

Ф. А. АЛИЕВА
Бакинский славянский университет

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК НОСИТЕЛИ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Açar sözlər: linqvokulturoloji dəyərlər, situasiyanın etnopsixoloji şifahi dəyəri, lingvomədəni semantika, dildənkənar muhit, dövrün dil klişeləri.

Ключевые слова: лингвокультурологическая ценность, этнопсихологическая оценка ситуации, лингвокультурная семантика, внеязыковая действительность, языковые клише эпохи.

Key words: linguoculturological value, ethnopsychological verbal reasoning of the situation, linguo-cultural semantics, extralinguistic reality, language clichés of the epoch

Устойчиво воспроизводящиеся конструкции синтаксического характера иначе называются синтаксическими фразеологизмами.

В последние 20 лет эти конструкции привлекают особый исследовательский интерес как в сугубо лингвистическом аспекте, так и в плане лингвокультурном.

Лингвистика (прагматическая, социальная) синтаксических фразеологизмов представлена, например в работах М.Зозиковой (8, 164-167), Е.В.Ничипорчика (10, 221-222) и др.

Особенно интенсивно в этом плане работает А.Величко, написавшая монографическую работу «Синтаксическая фразеология» (1996), в которой автор подвергает системно-лингвистическому анализу воспроизводящиеся синтаксические конструкции типа «Тоже мне помощник!», «Что ни дом, то памятник архитектуры», «Чем не праздник!», «Работать так работать» и т.п.

В комплексе всех уровней лингвистического анализа А.Величко отмечает и социокультурный аспект изучения синтаксических фразеологизмов: «Рассмотрение синтаксических фразеологизмов в социокультурном аспекте вносит дополнительные штрихи в их семантическую характеристику. Фразеологизированные структуры отражают особенности русского национального характера и некоторые их семантические компоненты обусловлены спецификой русского менталитета, исторически сложившимися особенностями речевого общения русских: например, «хоть меняй работу», «хоть ничего ей не говори» и т.п. называют целесообразное действие, которое разрешило бы сложившуюся ситуацию. Это разумный и самый решительный шаг, на которой говорящий скорее всего не пойдет. Иностранцы учащиеся часто не понимают этот фразеологизм, спрашивают: «Зачем человек говорит

то, чего не сделает?». Дело в том, что для русских общение обычно не просто формальный, «этикетный» акт. Они привыкли относиться к общению и как к возможности «раскрыть душу», получить понимание, сочувствие, поддержку. Именно это отражено в данном фразеологизме» (4, 147).

Вполне соглашаясь с такой трактовкой лингвистической природы синтаксических конструкций, выделяющихся устойчивой воспроизводимостью моделей, отметим, что нас в данном случае интересуют не вопросы определения синтаксического статуса подобных конструкций, а их возможности быть единицами-носителями национально-культурной информации, семантики.

Дело в том, что фразеологизированные синтаксические конструкции отличаются от всех единиц фразеологического фонда языка тем, что они представляют сугубо национальные «штампы» определенных событийных ситуаций, заимствованными они (как некоторая часть национального паремioфразеологического фонда) не могут быть по характеру исконно национальной речи: если быть до конца строгим в отношении терминологии, то в языке (например, структурной схеме предложения) меньше всего заключено то, что мы понимаем под национально-культурной семантикой.

Национально-культурная семантика (на уровне синтаксиса) проявляется более всего на фоне экспрессивной речи, единицами которой являются такие словесные комплексы-выражения как: *то-то и оно!*; *как бы чего не вышло*; *гвоздем в голове сидит*; *дать (кому-то) меж рог (промеж глаз)*; *одними подсказками сыт не будешь*; *фу ты, ну ты какая*; *держись не зевай*; *наседали и наседали*; *объяснить что да как*; *дуть – не петь*; *не тут-то было!*; *кому ни попадя и всякчасно*; *слушай сюда (суда)*; *И гляди мисс!*; *Смотри у меня!*; *страх (страсть) как люблю+инфинитив*; *(чего-то) – ешь не хочу!*; *ну вот поди ж ты!*; *Еще бы!*; *не к ночи (к худу) будь сказано*; *говорено-переговорено*; *слыхом не слыхивали и в глаза не видывали*; *И то сказать!*; *пропадать ни за грош!*; *за ради (чего-то)*; *по правде говоря*; *чего и торопиться-то?*; *Желчи в них скопилось, желчи!*; *Стало быть*; *Так ты уж не обессудь*; *быть тому нельзя!*; *за ним иметь глаз да глаз*; *Ну бог с ними, с...*; *ухватить за осьмушкин хвост*; *полетишь к такой-то матери*; *нашел чем + инфинитив*; *да тебе-то чего?*; *нам (кто-то) не указ*; *ко двору – ни ногой!*; *насовать кому-то в рыло*;

Эти конструкции составляют часть арсенала языка только романа Б.Евсеева «Евстигней». Как видно, синтаксические фразеологизмы не столь уж редкие языковые сущности, о которых можно было бы умалчивать в связи с, казалось бы, не совсем синтаксической проблематикой – лингво-страно-культуроведением. Видимо, есть твердые основания для их квалификации в этом аспекте. В этом убеждают существующие разработки М.Кузовой (9, 398-402), А.Барановой (1, 373-375), С.Петковой (12, 236-238), Т.А.Останенко (11, 276-277), Л.Н.Чумак (14, 122-123), В.И.Зиминой (7, 114) и других.

Так, С.Петкова отмеченные нами синтактико-эмотивные конструкции характеризует в качестве «прагматических маркеров» высказывания, «лингвистических единиц, служащих средствами парадигм прагматической информации, касающейся отношения говорящего к пропозициональному содержанию высказывания» (12, 236-237).

Лингвокультурологическую ценность знаков типа «Надо же», «Вот оно что!» и т.п. мы видим в том, что они : а) возникают «в условиях непосредственного восприятия реальности речи и представляют собой семантически нерасчлененную реакцию на факты контекста» (11, 276); б) составляют как бы специфический корпус «идиоматика личности», которая приобретает характер речевых формул, используемых в определенных типовых коммуникативных ситуациях; в) семантика этих «речевых клише» определяется задачами коммуникативной ситуации и контекста; г) в контексте общения всегда самодостаточны как по форме (синтаксическому строению), так и по прагматической функции, сопровождающейся обязательной эмоциональной интонацией, эмотивным «всплеском»; д) представляют сугубо лингвострановедческий материал, поскольку составляют чисто «русскую речевую реакцию» на информацию собеседника и считаются средствами из области непереваемого: их перевод на другие языки представляет трудные поиски эмотивных эквивалентов: «То-то и оно!» может быть переведено, например, на азербайджанский язык разными конституативно эквивалентными сочетаниями, но никак сочетанием «*Odur – odur və o*» или еще какими-либо сочетаниями местоименного характера, не имеющего места в системе азербайджанской эмотивной речи, иначе говоря, не имеющего лингвокультурной специфической ценности, как, например, «*bə nə bə!*» или «*tən bəuət erməni keşisini söyürəm?*» и т.п.

Рассмотрим один вполне «прозрачный» случай:

«– *И вот, хрен уснешь. Несытый хуже голодного. Я ли не помню, что такое голод!*» (А.Битов. Мы проснулись в незнакомой стране. Усталость паровоза).

Сочетание «и вот, хрен уснешь» вроде бы легко трансформировать на отрицательное сочетание «невозможно было уснуть» или «не уснешь». Однако эти выражения оказываются индифферентными, эмотивно нейтральными по отношению к той ситуации, которая описывается писателем. «Конструкция» самой ситуации предсказывает, предопределяет употребление «чисто русского» выражения, которое выражает не только нейтральную информацию о затрудненности или невозможности уснуть, но и то, что называется этнопсихологической словесной оценкой ситуации, этнопсихологическим видением «положения дел», т.е. мироощущением русского человека. Представим контекстуальное более широкое окружение высказывания:

«– Бессонница. Голодные боли. Это такая боль вроде как и не боль... Голодная боль вроде мозговой. Мозг, говорят, не чувствует боли. Но голодная боль и в мозгу. Не оттого, что об еде думаешь, оттого, что никак ничего не додумать, никак даже не понять, о чем додумать.

И вот, хрен уснешь. Несытый хуже голодного...» (А.Битов, там же). При этом невольно вспоминается русская пословица «Голодному не спится, а хлеб снится» (или «Голодному не сон на уме»).

В таком контексте анализируемое сочетание раскрывается во всем семантическом объеме, ядро которого и составляет «и вот хрен + глагольная форма». И получается, как говорится, до мозга костей русская фраза. Ее, например, на азербайджанский можно перевести как «*hə, indi yat görüm neyə necə yatarsan*». А почему-то (оно и ясно почему – русский лаконизм, оснащенный широкозначным словом) и в азербайджанской разговорной, непринужденной (фамильярной) речи пользуются

именно моделью русского сочетания с обязательным элементом его лексического наполнения «... uatarsan!». Здесь уже можно говорить даже о заимствовании фразовой модели со специфическим культурологическим «акцентом».

Для полноценного понимания лингвокультурной семантики выражения «Да как же так!» нужно не только знание содержания, например, микроситуацию – судьбоносного происшествия, случившегося с их дочерью: над нею глумились «кавказцы»:

«– Ну что, отец, делать будем? – требовательно спросила жена, выставив руки и сцепив пальцы в замок.

– Не знаю, мать... Не знаю.

Она посидела еще, маятно откидываясь назад и оборачиваясь к окну, возле которого ночью высмотрела глаза до синяков над ними, и вдруг стукнула кулаком по столу, крикнула в никуда:

– Да как же так! – и вышла удивленная собой» (В.Распутин. Дочь Ивана, мать Ивана. ч.1).

Фоновые знания (т.е. информация) позволяет понять семантическую суть синтаксического сочетания «Да как же так», которое в макроситуации представляет собой средоточие: а) беспомощности, отчаяния (... ночью высмотрела глаза до синяков...), б) внутреннего протеста и несогласия с тем, что произошло (так не должно быть, это-беспредел...) и в) решимости на наказание, месть (стукнула кулаком по столу, крикнула...) – она выполнит задуманное, застрелит виновного, за что сядет в тюрьму.

Таким образом, автор вкладывает в эту конструкцию «Да как же так!» не только некоторую языковую семантику, привычную для этого сочетания, но и этнопсихологический смысл, который в данной ситуации актуализирован, выдвинут на первый план – решительность «русской бабы», которая в беседе с дочерью впоследствии скажет: «Нет, девка, теперь надо быть сильной. Сильнее себя...».

Отмеченное сочетание, конечно, в других ситуациях может выражать и сомнение, и несогласие, и возмущение, и «улыбку-иронию» и т.п., сохраняя свое конструктивное тождество – все четыре элемента (а иногда без усилительной частицы «да»: как же так) должны располагаться в устойчивой последовательности. Ср.: «... Не размыкая губ, Анатолий дернул головой: не знал. С тяжелым любопытством следовательно задержал на нем взгляд: видно, что не знал; но *как же так*, браток, - не знать!» (В.Распутин. Дочь Ивана, мать Ивана, ч.2). Иную семантическую структуру предъясняет сочетание «То-то и оно» (вариант «то-то же»).

«... Митишатъев заполнял собой комнату... «Чувствуешь силу?» - громко шептал Митишатъев..., Лева все сильнее прижимался к шкафу как к последнему оплоту. – Ну, говори, возражай, что же ты молчишь? Чувствуешь или нет?! – «Чувствую» – беззвучно разлепил губы Лева. «То-то же!» – удовлетворенно сказал Митишатъев...» (А.Битов. Пушкинский дом).

Подобная функция характерна и для сочетания «так что, вот так вот». «... Так что, вот так вот, – думал Лева. – Вплоть до Евы..., до первородного греха...» (А.Битов. Пушкинский дом. гл. Альбина).

Корпус синтаксических клише, используемых в языке современной прозы, составляет немалую часть этих конструкций, исторически сложившихся в языке-речи класси-

ческой литературы. Эти сочетания-конструкции имеют свою специфику ввода в ткань текста. Этот аспект изучения художественного текста в рамках нашей статьи не столь важен. Для нас важно то, что целый комплекс синтаксических клише (устойчиво воспроизводимых синтаксических сочетаний) подтверждают одно из основополагающих мнений, сложившихся в системе общей когнитивной лингвистики – то, что «выбор формы выражения – это тоже отражение идиоэтнического мировосприятия», лингвокультурного осмысления внеязыковой действительности.

«Культурный компонент значения, реализуясь в семантике высказывания, отражает способы речевой манифестации языка, детерминированные социокультурными факторами. Сюда входят: фоновые сочетания, выступающие как результат компрессии текста, афористические и прецедентные высказывания, языковые клише эпохи, выражающие понятия, привычные для данного коллектива говорящих» (14, 122-123).

Наблюдения над конкретными формами употребления конструкций – «языковых клише эпохи» подтверждают вышеозвучанную идею прежде всего в той ее части, где имеется в виду лингвокультурный компонент семантики. Ведь, как нам кажется, в сочетании «Но не тут-то было» лингвокультурного смысла не меньше, чем, допустим, в целой системе лексем, обозначающих национальное «самосознание»:

«... Обо всем этом Евстигней узнал слишком поздно. Да и узнавал-то не сразу, а постепенно, по крохам. Когда же картина изобразилась перед внутренним взором полностью – настала пора решиться и чувство свое изничтожить.

Однако не тут-то было! Чувство дивное, летящее, от него... уходит не собиралось... » (Б.Евсеев. Евстигней, гл. 13).

Подчеркнутое сочетание имеет вполне стабильное значение, благодаря которому оно иной раз воспринимается как фразеологизм лексический – напрасно, бесполезно, о неоправдавшихся надеждах (см. 7). Сравним:

«... И всего бы лучше, когда бы Алымущка не замечала его вовсе. Еще лучше – презирала. *Но не тут-то было!* Кто-то, словно невидимыми нитями, пытался приметать Евстигнею к Алымущке: при случайных встречах она улыбалась ему ласковой, чем иным прочим... » (Б.Евсеев, там же, гл.7).

Довольно часто эти конструкции формируются вокруг глагола-сказуемого или функционально заменяют его:

1) «– *Чего и торопиться?! Я ведь и представиться еще не успел. Уж побудьте со мной минутку...* » (Б.Евсеев. Евстигней. гл.37);

2) «– *Еще бы!* Это тебе не практический аккомпанемент из «Школы генерал-баса», не фуги с фугатками... » (Б.Евсеев, там же, гл.21);

3) «– Ладно, хватить выделываться перед матерью. *Учись да не заучивайся, дальше ума не лезь* ». (В.Распутин. Дочь Ивана, мать Ивана, ч.1);

4) «– А мы и правда, как на подбор, одинаковые: бокастые, горластые, мужикастые. Те же бабы, да не те. *Не легковые, а уж грузовые, с дороги не столкнешь...* » (В.Распутин, там же, ч.2).

В качестве отдельных конструкций можно привести целый ряд специфических формул анализируемого материала: Слушай суда! (Б.Евсеев. Евстигней. с.103 и 175);

фу ты, ну ты какая! («А еще опосля – мамзеля горничная к нему входит: фу ты ну ты какая! Растелешенная, даже и сказать соромно!») (Там же, гл.4).

Особенно интересны в этом смысле так называемые конструкции с имплицитным (скрытым) отрицанием, имеющим значение угрозы:

1) «– Да я прокатиться только... Она же стояла тут никуда не годная... Я просто проконопатил ее [лодку]...

Я тебе сейчас проконопачу!.. » (В.Распутин, там же, ч.2).

2) «... Лева огрызнулся: а я возьму и сожгу все записи...

– Я тебе сожгу! Дурак... » (А.Битов. Пушкинский дом, гл.2).

Национально-культурная семантика конструкций с имплицитным отрицанием заключается в их контекстуальной специфике, в том, что они вне контекста бывают семантически несамодостаточными. Смысловое их содержание «нельзя этого делать + я тебя накажу» компонуется в пределах именно определенной ситуации (см. об этом. 5). Эти конструкции – средства лишь экспрессивного синтаксиса русского языка. Их реализация предполагает, как было отмечено, определенную структуру ситуации, определенную интонационную форму и совмещение отмеченных смыслов – отрицания и угрозы.

Наши наблюдения показывают, что устойчиво воспроизводящиеся синтаксические конструкции составляют фонд экспрессивного синтаксиса русского языка и фактически являются явными носителями национально-лингвокультурной семантики как особо организованные структуры.

Весь корпус этих синтаксических «фразеологизмов» могут стать предметом отдельного лингвокультурологического исследования как в плане теоретического осмысления, так и в плане их лексикографической семантизации – составления специального лингвострановедческого словаря для иностранцев, изучающих русский язык. Такой словарь стал бы хорошим подспорьем в интенсификации процесса восприятия иноязычного текста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранова А. Проблемы лингвокультурологического поля // Доклады и сообщения VIII Международного симпозиума МАПРЯЛ. Велико-Тырново (Болгария), 2002, с.373-376.
2. Битов.А.Г. Мы проснулись в незнакомой стране. Л.: Советский писатель, 1991, 160 с.
3. Битов А.Г. Пушкинский дом .М., Азбука, 2004 г , 512 с.
4. Величко А. Синтаксические фразеологизмы как специфическое явление русской синтаксической системы // Доклады и сообщения VIII Международного симпозиума МАПРЯЛ. Велико-Тырново, 2000, с.144-148.
5. Гусейнова В.К. Категория утверждения/отрицания и система отрицательных предложений (на материале русского и азербайджанского языков). Диссертация на соиск. учен. ст. доктора философии по филол. наукам. Баку, 2006, 145 с.
6. Евсеев. Б.Т. Евстигней. М., Время , 2010 ,576 с.
7. Зимин В.И. Национально-культурная специфика фразеологических единиц русского языка // Язык образования и образование языка. Материалы международной конференции. Великий Новгород, 2000, с.114-185.
8. Зозикова Мария. Синтаксические конструкции с имплицитным отрицанием в русском и болгарском языках // Доклады и сообщения VIII Международного симпозиума МАПРЯЛ. Велико-Тырново (Болгария), 2002, с.164-167.

9. Курилова А.Д. Новый фразеологический словарь русского языка. М., Дрофа, 2009, 778 с.

10. Ничипорчик Е.В. О характере аргументаций в афоризмах назидательного содержания // Язык образования и образование языка. Материалы международной конференции. Великий Новгород, 2000, с.221-222.

11. Остапенко Т.А. Нечленимые предложения как средство репрезентации особенностей языковой личности // Язык, культура, общество. Материалы международной конференции. М., 2007, с.276-277.

12. Петкова С. О прагматических маркерах в русском языке // Доклады и сообщения VIII Международного симпозиума МАПРЯЛ. Велико-Тырново (Болгария), 2002, с.236-240.

13. Распутин В.Г. Дочь Ивана, мать Ивана: Повести и рассказы. М: Эксмо, 2006.

14. Чумак Л.Н. Синтаксис и культура // Материалы международной конференции «Язык и культура». М., 2001, с.122-123.

XÜLASƏ

Bu məqalədə sabit əks etdirən, yenidən canlandırılan sintaksis konstruksiyaların (sintaksis frazeoloji ifadələrin) rus dilinin ekspressiv sintaksis fondunu necə təşkil etməsinin tədqiq olunmasına cəhd edilmişdi. Eyni zamanda burada onların xüsusi təşkil olunmuş struktur kimi milli-mədəni semantikanın faktiki olaraq şübhəsiz daşıyıcıları olduğu ayrıca vurğulanır.

SUMMARY

In this article an attempt is made to observe how idiomatic syntactic constructions (syntactic phraseological units) comprise the fund of expressive syntax of the Russian language and, actually, are the media of national and cultural semantics as especially organized structures.